

Н О Н Ф И К Ш Н

Скажи, кот:

как мне

записать

рассказ?

Павел Крапчилов

Павел Крапчитов

**Скажи, Кот: как мне
дописать рассказ?**

«Автор»

2026

Крапчитов П. А.

Скажи, Кот: как мне дописать рассказ? / П. А. Крапчитов —
«Автор», 2026

Как дописать рассказ, когда не знаешь, о чём писать? У меня в компьютере было 22 папки с идеями. Двадцать две завязки — и ни одной концовки. Я пробовал всё: придумывал персонажей, задавал им вопросы, позволял им жить своей жизнью. Они жили, но история не двигалась. Тогда я придумал Кота. Учёного кота из Лукоморья, который умеет рассказывать сказки. И начал с ним разговаривать. Эта книга — записки с наших встреч. Мы разбирали мои провальные идеи, спорили о финалах, смеялись над ошибками. Кот ругал меня, когда я делал героев «удобными». Называл приспособленцем. Но каждый раз выводил меня к простому и честному решению. Для кого эта книга? Для тех, кто пишет рассказы и застревает на середине. Для тех, кто думает: «Я не знаю, о чём писать». Для тех, кто хочет, чтобы персонажи жили, а не просто существовали. Прочитав её, вы не станете мгновенно гениальным писателем. Но у вас появится 5 простых инструментов, которые работают. И, возможно, вы тоже заведёте собственного Кота-учёного.

© Крапчитов П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 22 папки и один учёный кот	5
Глава 1. Начни с конца	8
Глава 2. Не делай героя удобным	11
Глава 3. Приспособленец	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Павел Крапчитов

Скажи, Кот: как мне дописать рассказ?

Пролог. 22 папки и один учёный кот

К моменту написания этой книги в моем багаже уже имелось четыре романа и шестьдесят два рассказа. Казалось бы, все вопросы «как писать и о чём» должны быть решены. Но не тут-то было.

В недрах моего компьютера пылились двадцать две идеи задуманных, но так и не написанных рассказов. По некоторым я даже написал завязку, а дальше — пустота. Дело не двигалось. Да, да, я знаю умные советы: «придумай персонажа и позволь ему жить своей жизнью». Пробовал. Мои персонажи оказывались в таком же ступоре. Они могли двигаться, есть, пить но история не двигалась с места.

Тогда я понял, что мне нужен помощник. Кандидатуру я знал давно.

И там я был, и мёд я пил;

У моря видел дуб зелёный;

Под ним сидел, и кот учёный

Свои мне сказки говорил. [1]

[1] — А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила».

Знакомые строки, правда? Именно Кота-учёного я мне захотелось попросить в помощи.

В тот момент я мучился над рассказом «Пропуск в другой мир». Студент нашёл паспорт. Чужая фамилия, чужое имя, а фото — его. Казалось бы, простор для фантазии. Но рассказ застыл.

«Эх, вот бы мне такого Кота-учёного! — подумал я. — И песню споет, и меду хмельного поднесёт» Но это же сказка. А все сказки остались в детстве.

«Кто мне мешает просто вообразить такого Кота и мысленно с ним разговаривать?» — пришла в голову мысль.

Сказано — сделано. Но прежде чем обратиться к воображаемому помощнику, я его описал. Иначе он бы «не заговорил».

Кто мой Кот? Скорее всего, ветеран. Почему? В других, любимых мной сказках — «Каша из топора», «Огниво» — встречаются именно солдаты-отставники. Если они выжили после тяжелой, двадцатипятилетней службы, то это точно не простые люди: находчивые, неунывающие. Из топора кашу сварят!

Таким я и представил своего Кота: немолодым, прошедшим огонь и воду. Сидит под дубом, еды хватает — живности в лесу много. Иногда, если вежливо попросят, рассказывает истории.

Кем он был на службе? Коты — одиночки. Строем не ходят, в команду не набиваются. На каждой лапе по четыре загнутых когтя — этикие керамбиты [2]. Взмах лапой — и противнику конец. Ещё когти позволяют цепляться за что угодно: дерево, стену, крышу. Коты ходят бесшумно и видят в темноте. Выходит, на службе Кот был диверсантом, таким ниндзя.

[2] — *нож с изогнутым клинком и кольцом на рукояти.*

Бурное у него прошлое. Теперь сидит под деревом, рассказывает сказки. Почему? Скучно ему, наверное. Одиночество заело. Забредёт в Лукоморье случайный странник — Кот и рад «попотчевать» его сказочкой, как правило, жизнерадостной, с хорошим концом.

Уйдёт странник — Кот двинется налево, петь песни. Протяжные и тоскливые. Почему такие? Это как инь и янь. Сказки — для всех, песни — для себя.

Как я буду с ним общаться? Кот же в Лукоморье. Силой мысли каждый может перенести себя в этот неведомый край. Раз — и ты уже под дубом. Главное — гостинец не забыть. Так и поступил.

Кот не удивился моему появлению, а пакетик с сухим кошачьим кормом принял спокойно.

— Погрызу на досуге, — сказал он. — А то всё приелось.

Он неопределённо обвёл лапой окружающий лес, спрятал гостинец в дупло и спросил:

— Сказки пришёл слушать?

Я объяснил цель своего прихода: про персонажа, про паспорт, про ступор.

— Историю, говоришь, не можешь придумать, — сказал Кот. — Ну, давай покумекаем. А у тебя самого есть идеи?

— Есть, — ответил я. — Первая: паспорт — пропуск в параллельный мир. Герой находит там двойника, у которого всё хорошо. И понимает, что должен искать того, кто потерял паспорт, — у того беда. Вторая: никакого двойника нет. Герой просто занимает место владельца паспорта, у него богатые родители, квартира, девушки но он не может называть чужую женщину мамой и уходит. А друг просит дать паспорт ему, берёт — и фото с данными начинают меняться. Друг уходит и не возвращается.

— И всё? — спросил Кот. — А почему не возвращается?

— Не знаю. Читатель сам додумает.

— Мда, ну и накрутил ты. У Марка Твена похожее есть, но попроще и поинтересней.

Мы помолчали.

— Знаешь, о чём думает солдат на войне? — прервал паузу Кот.

— О родине?

— Пожрать, поспать, вино и женщины, — ответил он. — «За родину» — это, когда в атаку идёшь. В остальное время — простые желания. Ты интересные идеи придумал, но неясные, неочевидные. Проще надо. Пожрать, поспать, вино, женщины Сказка «Каша из топора» — про что?

— Пожрать, — ответил я.

— Во-от! — Кот поднял лапу, и из неё показался кривой коготь. — А «Огниво»?

— Солдат с помощью огнива вызывает собак, которые исполняют желания.

— Видишь, сам всё знаешь. Твой герой находит паспорт и с его помощью реализует желания. Не буквально, но ты на верном пути. Каждый читатель хочет найти такую волшебную вещь.

— Понятно, — сказал я.

— Понятно да непонятно. Не заикливайся на паспорте. Надо писать о простом, о том, что ясно без объяснений. Тогда и читатель будет у твоих рассказов.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответил Кот, достал из дупла корм и захрустел.

— Я ещё зайду?

— Конечно. Расскажешь, какая сказка получилась.

На том и расстались.

Я вернулся к рассказу. Совет Кота — «пожрать, поспать, вино и женщины» — держал в уме. Рассказ «Пропуск в другой мир» я всё-таки написал, его даже включили в альманах. Вот так у меня появился помощник, который потом не раз выручал.

Но в какой-то момент мне стало стыдно. Неужели я не могу писать сам? Я понимал, что Кот — лишь моя выдумка, способ взглянуть на проблему свежим взглядом. И всё же мысль найти способ заканчивать рассказы без посторонней помощи не отпускала. Должен же быть такой способ!

Тогда я решил еще раз обратиться к Коту, в последний раз. Узнаю способ — и дальше сам, только сам.

Глава 1. Начни с конца

Была у меня идея фантастического рассказа, который я никак не мог закончить. Про общество, где изобрели способ возвращаться в прошлое — ненадолго, не больше чем на полчаса. С такой возможностью по векам не путешествуешь, прогрессорством не позанимаешься. А в быту пригодилась бы. Как часто мы хотим изменить то, что случилось несколько минут назад! Обидные слова, неверный шаг, выскочивший автомобиль. Ссора, неудача, трагедия — всё это можно было бы остановить.

Я хотел описать человека, который слишком часто пользуется изобретением, и к чему это приводит. Написал завязку.

Вот она, сокращённо:

«Тониосенькая стрелка была самой честной. Отицёлкивая секунды, она словно кричала ему, что конец близко. Минутная мямлила что-то невнятное, часовая делала вид, что ничего не происходит.»

Скачать приложение, которое запускало этот продукт, можно было на любом смартфоне. И никто не задавался вопросом, чем всё кончится. А кончиться должно было плохо — учёные, чье изобретение лежало в основе всего этого, уже заметили побочку, но их опередили маркетологи. Продукт пошёл в массы.

Приложение назвали «Механический друг». Первой побочкой стало ускоренное старение. Людям было плевать: «Ну, подумаешь, немного состарюсь, зато не погибну в аварии».

Учёные вздохнули и продолжили исследования. Вселенная нанесла удар первой. У коллеги, улетевшего на Гавайи, появился двойник».

Вот такая завязка. Что дальше? Я ломал голову над продолжением пару недель. Пытался оживить персонажа. Задавал ему вопросы: какая у него проблема, к чему он стремится? Он, как мог, отвечал. Ответы на мои вопросы заняли страниц пять, но история с места так и не сдвинулась. Я создал в компьютере папку «Механический друг», спрятал туда наброски — очередную неудачу завершить начатое.

Таких папок у меня, как я уже говорил, двадцать две. В них, как джинны в бутылках, запечатаны идеи незаконченных рассказов. Но сравнение с джинами неверное. Сколько ни открывай — продолжение само не выскочит.

Идеи из этих папок я и решил показать Коту. Одну за другой. Кот будет подсказывать, а я из его советов постараюсь вывести общее правило, как заканчивать рассказы.

Начал с «Механического друга». Открыл папку, пробежался по тексту, нашёл пару опечаток, похвалил себя. Откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, даже вообразил небольшой колокол — такими на морских судах время отмечают — ударил легонько в него и оказался в Лукоморье.

Кот лежал в тени дуба с закрытыми глазами, и только движения ушей выдавали, что он не спит.

— А, это ты, — сказал Кот, когда я подошёл.

— Привет. — Я протянул пакетик с кормом.

Кот с достоинством принял подношение, спрятал у дуба.

— Потом пощелкаю. А то всё рыба да рыба. Ну, с чем пришёл?

Я рассказал про «Механического друга», про попытки разговаривать персонажей.

— И в чём проблема? — спросил Кот. — Написано хорошо. Продолжай!

— Я не знаю, что дальше. Мне нужен план!

— План, говоришь? — Кот поморщился. — Давай я расскажу одну историю. Там тоже план был.

Я кивнул.

— Давно это было. Стояли мы под крепостью, которую надо было взять. Командир сказал: «Вы сами грамотные, придумывайте». И придумали мы план: рыть подземные тоннели, заложить мину под стену. А потом один отмороженный кот пробрался в крепость, перебил охрану ворот и открыл их. И заметь — никто его об этом не просил, и планом это не предусматривалось. Просто он знал, чем всё должно кончиться.

Кот замолчал, а я подумал, не про себя ли он рассказывает.

— Понял? — продолжил мой собеседник. — Окружение крепости — это твоя завязка. Взятие крепости — финал. Определись с финалом! А как дойти от завязки до финала — дело техники.

— Но у меня и не получается придумать финал!

— А тебе и не надо придумывать. У тебя всё уже есть. Автомобильная авария, вечер с семьёй — это же ты написал? Вот тебе и ключ.

После этих слов в моей голове зашевелились мысли.

— Стой, не убегай, — остановил меня Кот. — Главное, когда вернёшься за компьютер, не городи огород на пять страниц. Запусти таймер на пять минут и напиши одно предложение — чем всё кончится для твоего героя. Не для мира. Для героя.

Я открыл глаза. Лукоморье исчезло. Правая рука уже двигала мышкой, загорелся монитор, я открыл нужный файл, бросил взгляд на часы в углу экрана. В пять минут я уложился — только получилось не предложение, а целый абзац.

«Я усмехнулся, открыл дверь в спальню и начал стрелять. Когда пули начали рвать тело двойника, я тут же забыл о «Механическом друге», а в голове была только одна мысль: «Это ещё не конец. Вселенная ещё сможет нас удивить».

Сумбурно? Возможно. Но идея пришла не в виде готовых слов. Сначала был образ: герой возвращается домой, открывает дверь в спальню, а там А потом часы на запястье. Вопрос: «Поможешь?». Один образ наматывался на другой, события стали выстраиваться в обратном порядке — от финала к завязке.

Кот оказался прав. У меня уже была завязка с миром и побочкой. Как только я придумал концовку, события, ведущие к ней, возникли сами. Дальше, действительно, оказалась только техника.

Я ещё пару раз наведывался в Лукоморье. Кот с удовольствием обсуждал наброски.

— Не разжёвывай ничего в конце, — советовал он. — Доверяй читателю. Пусть сам домыслит.

Так я и поступил. Рассказ получился.

(Полную версию рассказа «Механический друг» вы можете прочесть в Приложении 1, в конце данной книги).

Когда рассказ был написан, я взял денёк на передышку, а потом снова сел за компьютер. Я, как вы помните, начал эту книгу не только для того, чтобы написать рассказы, но чтобы выznать у Кота способ — как, имея завязку, довести историю до конца.

Итак, какие советы мне дал Кот при работе над «Механическим другом»?

Главный вывод — «Начни с конца». Это оказалось неожиданным. Но зато, когда есть конец, не надо было брести словно в тумане. Финал освещал весь путь «написания» рассказа.

А ещё я понял:

1. Важен человек. Читателю плевать на судьбу миллиардов, если он не проникнется судьбой одного «я». Уже в завязке надо найти и показать читателю такого человека.

2. Драма — это выбор из плохого и очень плохого. Абстрактные проблемы персонажа — это не страшно. Страшно, когда герой стоит перед дверью спальни и не знает, кто там с его женой — он сам или его копия.

3. Таймер в помощь. Кот был прав: пять минут на одно последнее предложение, не больше. Сумбурно? Да. Но я поймал образ. Образ — это и есть зерно сюжета. Всё остальное — лишь техника.

Может, этот способ и правила покажутся вам слишком простыми. Но я проверил их на себе. Они сработали. Пора было переходить к другим папкам в моем компьютере.

Глава 2. Не делай героя удобным

Первые результаты взаимодействия с Котом-учёным меня воодушевили. Не только потому, что рассказ «Механический друг» наконец дописан. Главное — я своими руками проверил способ: напиши последнее предложение, а остальное приложится.

Но одна ласточка весны не делает. Чтобы способ превратился в систему, его нужно проверить на другом материале. Желательно — на таком, с которым возникли трудности.

С этим всё было в порядке. Те идеи, с которыми не возникло трудностей, давно превратились в рассказы. Остались только проблемные.

Я открыл в компьютере заветный раздел «22 идеи, которые не дописаны». Полистал. Вот про библиотеку с полками книг, за которыми виден другой мир. Вот про человека, который научился стирать своё прошлое. А этот набросок я написал совсем недавно, полгода назад. И он мне нравился. Начало. Потому что, как закончить его, я не знал. Идеально для эксперимента.

Вот этот набросок:

«Генри лежит один в палатке. Снаружи тропическая ночь. Над его головой горит ночник. Он рассматривает последнюю страницу паспорта, на которой стоит число, обозначающее индекс жизни.

— Индекс жизни, — говорит он. — Звучит издевательски. Правильнее было бы назвать его индексом смерти.

Ему было шестнадцать, когда он узнал о своём индексе. Тридцать шесть. Эта цифра стояла на последней странице паспорта».

Дальше — пустота. Идея казалась привлекательной: мир, где каждый человек с рождения знает год своей смерти. Эту цифру ставят в паспорт. Социальные льготы для тех, кому осталось мало, ипотеки для тех, кому много. Запрет рассказывать о своём индексе посторонним.

Но как из этого сделать рассказ? Ноль идей!

Следуя подсказке Кота, надо написать, чем всё кончится. Я начал рассуждать. Генри знает дату и время собственной смерти. Какой может быть концовка? Самый простой и драматичный вариант: он ждёт смерти, но она не наступает.

Допустим, я нагнетаю напряжение на несколько страниц. Читатель зажимается в кресле. В финале — щёлк! — смерть не приходит. Драма есть? Есть. Но вместе с тем я ощущал пустоту.

Тогда я решил добавить экшена. Пусть Генри перед наступлением «часа X» совершает героические поступки. Почему он вдруг геройствует? Потому что ему уже всё равно. Смерть на пороге. Умирать, так с музыкой!

Идея, как мне показалось, заиграла. Я решил не погружаться в детали, а сначала написать синопсис и показать своему лукоморскому помощнику. Одобрит — сяду за рассказ. Не одобрит — буду думать дальше.

Вот какой синопсис у меня получился.

«Генри лежал в палатке и вспоминал прошедший день. В этот день он и его коллеги должны были праздновать его тридцать шестой день рождения. Но не получилось. В полдень в лагерь стали прибывать беженцы. Их сопровождал пикап с пулемётом в кузове. Потом появились мятежники. Бойца за пулемётом убили. Генри занял его место. Он отчаянно стрелял и заставил мятежников отступить. Потом подоспела помощь.

Все хвалили Генри. Называли храбрецом. Но никто не знал настоящей причины его храбрости.

Праздник пришлось отложить. Много раненых, много работы. Все устали. Контейнер с пивом, который Генри купил для дня рождения, оказался изрежечён пулями. Все успокаивали его: «Отпразднуем через несколько дней». Но Генри знал, что этого не будет.

Он лежал в палатке и смотрел на свою фотографию в паспорте. Ждал смерти. Точного часа не знал, но думал, что до утра не дотянет. К утру, уставший от ожидания, заснул. Проснулся — и понял, что всё ещё жив. Не может понять: это хорошо или плохо? В соцслужбе ошиблись? Или произошло что-то иное? Если его индекс не 36, а гораздо больше — значит, он неправильно прожил двадцать лет?

Генри стоит на пороге палатки в нерешительности. Мимо проходит симпатичная женщина-хирург. Она улыбается и говорит:

— Я думала, ты заглянешь ко мне ночью.

Генри улыбается в ответ. И в этот миг решает ничего в своей жизни не менять.

— Сегодня обязательно загляну, — отвечает он.

Синописис готов. Я закрыл глаза, звякнул колоколом и почти сразу услышал лёгкий шум прибоя, а потом пахнуло жарким воздухом. Лукоморье. Из тени дуба мне приветственно махнул лапой Кот-учёный.

— Ну как тебе? — спросил я, устраиваясь рядом.

«Похвалит, наверное», — подумал я. Ведь я использовал его же метод: придумал концовку (Генри не умирает), а от неё «плясал» к остальному.

Я ошибался.

— Опять намудрил, — вздохнул Кот. — Я же тебе говорил: «Пожрать, поспать, вино и женщины». А ты мне про беженцев, пулемёты, мятежников. Война — это понятно, я сам воевал. Но у тебя треть синописиса — перестрелка.

Он хотел сказать ещё что-то резкое, но, видимо, увидел мою обалдевшую физиономию и рассмеялся.

— Ты думал, я тебя хвалить буду. Шиш тебе. Идея — хорошая. Но тебе рассказ нужен, чтобы читатель схватился за сердце. А пулемётной стрельбой ты его не пробьёшь.

Я кивнул. Похвала — приятно. Но я хотел найти способ заканчивать истории. Так что, не в похвале дело.

— Понимаешь, твой Генри — дурак, — продолжил Кот, — но дурак привлекательный. Он не боится пуль, потому что думает, что сегодня всё равно помрёт. Это я понимаю. Но ты мне покажи, как он ждёт и сомневается. Где ночь без сна? Где холодный пот и мысли: «А вдруг индекс врёт?»

А у тебя он — герой-спецназовец. Из пулемета пострелял. Пакетик корма ему дать? Ты историю про душу пиши, а не про войнушку. Бой можно описать двумя фразами: «Я лёг за пулемёт и нажал на спуск. Мятежники побежали». И всё. А дальше — как он живет и боится следующей секунды.

Я молчал. Слушал.

— Это было во-первых, а во-вторых, — Кот поднял лапу и выпустил коготь. — Финал. Ты хочешь, чтобы он проснулся утром и пошёл к бабе. Это слишком сладко. У меня аж во рту слиплось.

Он вскочил на все четыре лапы и заходил передо мной.

— Он двадцать лет жил с мыслью, что умрёт в тридцать шесть. Теперь проснулся. И что? Он должен быть счастлив? Нет. Он должен испугаться. Или обрадоваться. Или разозлиться: «Меня обманули, козлы! Я мог бы нормально жить, детей нарожать, а теперь ни кола ни двора». Это я понимаю. А он улыбается. Не верю!

Кот замолчал, сел, обвил лапы хвостом и уставился на море. Волны, солнечные блики но он видел там что-то другое.

— Я эту картинку вижу так, — наконец сказал он. — Он выходит из палатки ранним утром. Женщина-хирург проходит мимо. Улыбается. А Генри вдруг понимает, что не знает, как ему поступить. Он всю жизнь ждал этой даты и в соответствии с ней строил решения.

Теперь ориентира нет. И ему становится страшно. Настоящий страх — не от того, что умрёшь в назначенный день, а от того, что можешь умереть в любую минуту. Вот где драма.

Кот говорил простыми словами, но в моей голове зажглась лампочка. Я почти кожей почувствовал утреннюю прохладу тропического лагеря и тот липкий страх, когда не знаешь, куда себя деть.

Тем временем Кот достал из дупла пакетик с кормом и смачно захрустел. Аудиенция закончилась. Да и у меня самого пальцы зудели от желания записать его мысли.

Вернувшись за рабочий стол, я не бросился сразу писать рассказ. Я сел и просто подумал.

Кот сказал: «Бой — двумя фразами. Ночь ожидания сделать долгой. И не делать героя удобным». Я закрыл глаза и попробовал представить Генри — не героя-пулемётчика, а человека, который лежит в темноте, наблюдает за комариками и ждёт, когда стрелки часов доползут до роковой черты.

И тогда пошли строки.

Странное дело — после совета Кота писать стало легче. Я не мучил каждое предложение, а просто шёл от сцены к сцене. Единственное, где затормозил, — момент, когда Генри смотрит на часы. Я переписывал его несколько раз, пока не поймал нужную интонацию. Над названием долго не думал. Так и записал «Индекс жизни».

(Полную версию рассказа «Индекс жизни» вы можете прочесть в Приложении 1, в конце данной книги).

Я откинулся на спинку стула, перечитал последнюю фразу и нажал «сохранить». Рассказ, на мой взгляд, получился интересным и честным.

Я закрыл глаза

«Мур-р. Норм», — пришло сообщение от Кота.

«Норм, конечно, норм», — облегчённо вздохнул я.

Теперь мне предстояла не менее важная задача — определить и сжато описать то, что помогло мне в этот раз написать рассказ и заработать от Кота его заключительное «Норм».

Что я вынес из этой истории

Первый эксперимент («Механический друг») дал мне три главных шага: выбрать героя, а не мир; сделать упор на событие с героем; написать последнее предложение. Эти правила остаются в силе. Второй эксперимент добавил к ним ещё одно.

Правило «Не делай героя удобным» мне показалось очень весомым.

Вот что это значит на практике.

Удобный Генри побежал бы к Алисии, женщине-хирургу вприпрыжку и радостно зажил бы заново. Но в жизнь человека после двадцати лет ожидания смерти не переключается щелчком тумблера на другое течение. Он тупит, боится, не знает, куда себя деть. Даже когда кричит «Я не падаю!» — этот крик не от уверенности, а от отчаяния.

Неудобный герой, как мне кажется, остаётся с читателем надолго.

Итак:

Удобный герой — мёртвый герой. Если Генри, проснувшись живым, сразу побежал к женщине и зажил счастливо — это скука. Настоящая драма рождается из растерянности, злости или страха перед *новой* неизвестностью.

Чувство важнее действия. Читателю, скорее всего, неинтересно, как именно герой стреляет из пулемёта. Ему интересно, что он чувствует при этом. Бой — это всего лишь декорация. Ночь в палатке с мыслью «А вдруг?» может дать для сюжета гораздо больше.

Вывод: Чтобы герой «ожил», надо дать ему время на осознание. Пусть побудет в ступоре. Это сделает его более реальным, не картонным. И еще пережёванное — невкусно. Надо доверять читателю самому додумать, что скрывается за криком «Я не падаю!».

Я решил двинуться дальше. В моем компьютере оставалось ещё достаточно идей, и Кот, наверное, не раз пройдёт своими коготками по моей нежной писательской душе. Но теперь я знал главное: самый верный способ не застрять — представить последнюю страницу раньше, чем первую. А потом убедиться, что герой на этой последней странице не улыбается, а пытается осознать, как жить дальше.

Глава 3. Приспособленец

Я снова просматриваю свои идеи будущих рассказов. Их незавершённость уже не пугает — за плечами два рассказа, написанных по таким же голым идеям. Главное — уже есть правила, мои помощники, которые помогут придумать сюжет.

Среди всех папок в компьютере есть особенная. Она называется «Детектив». Её особенность в том, что она пустая: ни идей, ни набросков. Когда я её создавал, то был уверен: придумать сюжет детективного рассказа несложно. Надо придумать преступление, а потом начинать «раскручивать» его с самого конца. С конца! Опять это правило! Я сформулировал его, пытаюсь развить уже существующие идеи фантастических рассказов. И вот теперь пришёл к тому же правилу, рассуждая о том, как придумать детектив. Значит, в этом действительно что-то есть.

Но почему же папка «Детектив» у меня пустая? Если в основе детективной истории лежит преступление, то нет смысла его записывать. Перечень основных преступлений невелик: кража, ограбление, похищение, убийство. Выбирай любое!

Пожалуй, начну с кражи. Конечно, кража — менее драматичное событие, чем убийство, но убийство, даже если оно только на бумаге, морально тяжелее описывать.

Итак, кража. Пусть из школьного класса информатики украли компьютер.

Возможно, не стоит об этом писать, но всё же Более сорока лет назад я работал летом в студенческом стройотряде в подмосковном колхозе. Мы заливали бетоном огромное навозохранилище. Приходили самосвалы с раствором цемента, вываливали раствор на землю, а я и мои товарищи потом лопатами счищали остатки раствора из кузова.

Вместе с нами работал местный парень, наш ровесник, Сергей. Он уже успел несколько лет отсидеть в тюрьме за кражу магнитофона из школы. Воровал он магнитофон вместе с сыном директора этого учебного заведения. Когда их поймали, Сергей взял всё на себя. У подельника была беременная жена, и Сергей его пожалел. А когда он сидел в тюрьме, сын директора пьяным сел на мотоцикл и разбился насмерть.

Вот такая история. Получается, не просто так у меня выскочила идея про украденный в школе компьютер.

Личное воспоминание подкинуло вариант преступления, а дальше — пусто. Совершенно не знаю, о чём писать. Всё моё представление о легкости написания детектива путём обратного раскручивания преступления растворилось в воздухе.

Но я как-то написал предыдущие рассказы! Я стал просматривать ранее написанные главы этой книги и нашёл подходящее правило: *когда сюжет не складывается — напиши синопсис: кто, куда, зачем и почему.*

Вопросы — великая сила. Они помогают концентрироваться на нужном направлении. В правиле первым стоит вопрос «Кто?». Надо сначала определиться с персонажами: кто вор, кто расследует кражу.

Сила вопросов ещё в том, что, задумавшись над вопросом, каждый из нас непроизвольно подключает к работе подсознание. А оно выдаёт такие ответы, о которых ты сам сознательно бы и не подумал.

Так произошло и у меня. Года два назад я написал два рассказа про девочку-подростка, тринадцати-четырнадцати лет. Зовут её Соколова Ольга Александровна, но старший брат называет её Мелкой. Эта девочка читает детективы, а потом, когда жизнь заставляет, использует эти сюжеты в реальных ситуациях. Ещё у неё появился приятель, Петров, который сначала дёргал её за косички. Но потом Мелкая развернула события так, что теперь этот одноклассник провожает её до дома и носит её портфель.

(Эти два рассказа вы можете прочесть на моём основном аккаунте на Автор.Тудей).

Я вспомнил про рассказы с участием Мелкой, когда задумался над вопросом «Кто?». Зачем выдумывать что-то новое, когда можно использовать старых героев? Кроме того, читатели любят серии. Им будет интересно прочитать новые истории про Мелкую.

Хорошо, с персонажами определился. А дальше? На одних персонажах синопсис не напишешь!

Я снова стал листать предыдущие главы в поисках подсказок. И такая подсказка обнаружилась: *если идея слабая — начни писать, и идеи придут.*

Я представил, как Петров провожает Мелкую. Мелкая рассказывает ему, как полезно читать детективы И у Петрова появляется желание удивить свою приятельницу. Из этих мыслей родилось начало:

«Петров поставил перед Мелкой большую сумку.

— Ты что, мне щенка принесла? — улыбнулась Мелкая.

Петров молча, улыбаясь, расстегнул молнию сумки. В ней оказался компьютерный плоский монитор. Блуждающий. Чуть запылённый. Нет, можно было бы подумать, что её новоиспечённый друг сэкономил на школьных обедах и купил на барахолке старый монитор, но Мелкая узнала его. Это был школьный монитор из класса по информатике.

— Петров! — воскликнула Мелкая. — Ты что, идиот?»

Получилось, что Петров своровал монитор, чтобы удивить одноклассницу. А Мелкая, которая лучше него разбирается в жизни, понимает, что он совершил глупость, которая может дорого обойтись.

После этого я взялся за сухой синопсис, и вот что получилось:

«Приятель Мелкой Петров ворует монитор из школьного класса информатики. Мелкая отказывается принять этот «подарок». Затем она рассматривает украденную вещь и обнаруживает, что монитор отличается от тех, которые школа закупила год назад. Её вывод: кто-то ранее подменил школьный монитор на блуждающий, а потом пришёл Петров и украл этот блуждающий. Поэтому просто вернуть монитор в школу не получится. Мелкая предполагает, что кто-то из учеников хотел досадить учителю информатики. Когда обнаружат подмену, подозрение падёт на самого учителя. Мелкая с помощью Петрова находит организатора и заставляет его вернуть новый монитор на место».

Я окинул взглядом получившийся текст. То, что нужно: кто, что делает и зачем. «Петров крадёт — Мелкая обнаруживает подмену — ищет настоящего вора — заставляет вернуть монитор». Я понял, куда идти. И тогда разрешил себе писать — не спеша, не стараясь, чтобы все было «красиво».

Уже в процессе написания пришла идея, почему тот школьник — первоначальный вор — решился на кражу, а затем родилась и другая идея — как Мелкой удалось вычислить этого вора. Почему так происходит? Наверное, благодаря погружению в историю. Я мысленно видел всех персонажей, они жили своей жизнью, а мне оставалось только записывать.

Рассказ написан быстро, за пару часов. Я решил показать его Коту.

На этот раз Кот-учёный был очень строг.

— Плохо, очень плохо, — сказал он. — Ты про какую-то другую Мелкую написал. Раньше она у тебя была циничная и эгоистичная. Теперь бросается спасать мир. Сам же придумал правило — не делай героя удобным. Приспособленец ты, приятель! Приспособленец!

Такой отповеди я не ожидал. Хотел возразить, но в голову ничего не пришло.

— Всё, иди, — Кот махнул лапой. — Переделывай.

В тот же миг я оказался за рабочим столом. Под ногами — холодный пол, а не горячий песок Лукоморья. «Приспособленец! — возмущался я про себя. — Надо же меня так обозвать!»

Но самое обидное — Кот оказался прав. Я вспомнил, какой Мелкая была в прошлых рассказах. Она действительно была другой.

«Но она могла измениться! — воскликнул я про себя. — Герои должны меняться!»

«Но не так быстро, — одёрнул я самого себя. — Для изменений должны быть основания».

Пришлось править уже, казалось бы, готовый текст. А этого так не хотелось!

Вот что я добавил в самое начало, сразу после того, как Мелкая обозвала Петрова идиотом:

«А ещё ей пришла в голову мысль, что её приятель обязательно кому-нибудь проболтается о своём «подвиге». Тогда и ей не избежать неприятных вопросов».

На эти два предложения я потратил больше времени, чем на весь остальной рассказ. Я переписывал их раз пять, пока не поймал нужную интонацию: не благородство, а холодный расчёт. Мелкая спасает не Петрова, а себя.

Потом случилось чудо. Я придумал финальный твист — тот, который, как мне показалось, сделал рассказ честным. Не буду его пересказывать, лучше покажу.

Вот этот финал:

«Мелкая вышла из директорского кабинета, но двинулась не на третий этаж, где у неё был урок физики, а на первый, в кабинет информатики.

В кабинет информатики Мелкая зашла без стука. В классе не было никого. Она подошла к учительскому столу, выдвинула второй ящик. А там — россыпь шильдиков «ленова», один из которых, наверное, и был так неловко приклеен на мониторе, что стянул Петров.

«Ну да, — подумала Мелкая. — Шильдик маленький. Пальцы у Ник Ника неловкие. Аккуратно не получается».

Она взяла один шильдик в руку и в этот момент почувствовала на себе чей-то взгляд.

Мелкая обернулась к двери. Там стоял Ник Ник. Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Потом учитель плотно закрыл дверь в класс и подошёл к девочке. У Мелкой слегка задрожали колени.

— А что ты хотела? — по-своему понял её состояние Ник Ник. — Это взрослая жизнь. Это вы все в куклы играете и не знаете, как кусок хлеба зарабатывается.

— Я пойду, — сказала Мелкая. — Там нам новую тему объясняют.

Она дошла до двери, открыла её.

— Ты никому не расскажешь? — раздалось за её спиной.

Мелкая обернулась, хотела что-то сказать, но только помотала головой.

Уже идя по лестнице, она нащупала в кармане маленький шильдик. Тот самый. Мелкая остановилась, с мгновение поколебалась, потом достала шильдик, подошла к кадке с большим фикусом, стоящим в коридоре у окна, и вдавила шильдик в мягкую землю горшка».

Вот такой финал. Мелкая не стала ни доносчицей, ни шантажисткой. Она просто ушла и закопала улику в землю. Не победила и не проиграла. Просто осталась собой.

(Полную версию рассказа «О пользе чтения детективов. История третья» вы можете прочесть в Приложении 1, в конце данной книги).

Я закончил главу и осторожно откинулся на спинку кресла. «Уж в этот раз, наверное, я сделал всё как надо», — подумал я и снова оказался в Лукоморье.

— Э-хе-хе-хе-хе, — заунывно раздалось со стороны дуба. Это горестное «э-хе-хе-хе-хе» явно принадлежало моему помощнику. Но Кот ещё ни разу при мне не горевал! Может, случилось что-то? Может, заболел? Может, нужна помощь!

Кота я нашёл на своём месте, под дубом. Он сложил лапы под собой, прижался к ним брюхом и горевал.

— Э-хе-хе-хе-хе, — несло по сказочному лесу.

— Привет! — поздоровался я. — Что с тобой? Что за напасть?

— Нет в жизни счастья! — заявил Кот и посмотрел на меня жалостливыми глазами.

— ???

— Детектив мне твой понравился! — объяснил мой собеседник. — А у меня они не выходят. Ты же знаешь, направо — сказка, налево ну, ты понял Нет места детективам в моей жизни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.